

Мэй Цзюмей слегка склонил голову.

— В таком случае, с позволения старшего брата, я покажу своё скромное мастерство.

Сказав это, он обернулся к Бай Линъюню:

— Старший брат, как насчёт того, чтобы исполнить отрывок из Пионовой беседки?

Не дожидаясь ответа, Мэй Цзюмей лукаво улыбнулся.

Бай Линъюнь прищурился. В душе тревожно зазвенел колокольчик: интуиция подсказывала, что этот неугомонный младший брат опять затевает какую-то пакость.

И действительно, оправдывая худшие ожидания, Мэй Цзюмей повернулся к двум высокопоставленным гостям и отвесил поклон.

— Прошу прощения у господ командующих. Сегодня здесь мой старший брат, а по правилам я должен подыграть ему, поэтому...

Мэй Цзюмей не стал договаривать, но намек был более чем прозрачен.

Сидевшие за столом промолчали, а вот Сюй Чжао засуетился.

— Неужели правила господина Мэя важнее воли двух командующих? Сегодня приглашали вовсе не вашего брата!

Мэй Цзюмей промолчал и не стал оправдываться, лишь опустил голову, изображая смирение перед незыблемостью традиций.

Бай Линъюнь невольно усмехнулся. Эта картина напомнила ему строки Сюй Чжимо: «Такая нежность в этом наклоне головы, словно лотос, робко склонившийся под дуновением ветерка».

Сюй Чжао, глядя на поведение Мэй Цзюмея, чуть не задохнулся от ярости и торопливо обратился к гостю:

— Командующий Цзин, как вы на это смотрите?

Командующий Цзин поднял руку.

— Ничего страшного. Пусть будет так, как хочет господин Мэй.

Бай Линъюнь холодно посмотрел на Мэй Цзюмея. Тот, повернувшись, едва заметно улыбнулся и взял со столика два веера: один складной, другой — круглый на ручке.

— Старший брат, прошу.

Глядя на протянутый веер, Бай Линъюнь в этот миг страстно желал прибить этого коварного младшего брата.

Мэй Цзюмея пригласил лично Сюй Чжао для выступления перед командующими Цзином и Шэнем. Мало того, что внезапно объявился старший брат, так Мэй еще и прикрылся правилами, заставляя Бай Линъюня выглядеть так, будто он наглым образом перехватил инициативу и выставил себя напоказ.

Более того, Мэй Цзюмей заранее подготовил два веера, а значит, изначально планировал исполнить Пионовую беседку вдвоем. Если бы не случайное появление Бай Линъюня, партию служанки Чуньсян исполнял бы другой, а роль девы Ду Линян досталась бы самому Мэй Цзюмею.

Теперь же в глазах окружающих выходило, что Бай Линъюнь не только оттеснил коллегу, но и нагло выставил себя вперед, действуя бесцеремонно и нахраписто.

Если слухи разойдутся, репутации конец. Впрочем, он не сомневался, что об этом инциденте обязательно разнесут весть!

Бай Линъюнь взял веер и беззвучно усмехнулся.

Он выступал на сцене двадцать лет, и еще никто не смог перехитрить его, а тут он попался в ловушку этого мальчишки Мэй Цзюмея. Хорош первый актер столицы, хорош младший соученик!

Мэй Цзюмей с улыбкой кивнул Бай Линъюню и, зажав круглый веер между пальцами, дважды хлопнул в ладоши, давая знак музыкантам начинать.

Зазвучала музыка. Взгляд Бай Линъюня мгновенно преобразился, он вошел в роль. Сделав изящное движение, он еще не успел открыть рот, но образ Ду Линян уже ожил.

Мэй Цзюмей застыл, не мигая глядя на Бай Линъюня. Его идеальная улыбка вмиг рассыпалась.

Бай Линъюнь, войдя в образ, перестал замечать что-либо вокруг и запел:

— Взгляни, как пышно расцвели цветы, но тлен и разруха царят вокруг...

Как только раздался его голос, пораженным оказался не только Мэй Цзюмей.

В кабинете воцарилась тишина, даже музыканты в зале запнулись и сбились с ритма.

Бай Линъюнь, пребывая в мире пьесы, не обращал внимания на людей и продолжал:

— Прекрасные дни, чудесные виды, но что толку в них, когда сердце не знает покоя?

Теперь Мэй Цзюмей был окончательно ошарашен.

Они учились в одной школе, но манера движений Бай Линъюня не имела ничего общего с тем, что им преподавали. Да и во всей столице не нашлось бы ни одной школы, где так выступали.

А уж манера пения! Это была куньцой из Пионовой беседки, но в нее были вплетены нотки пекинской оперы?

Смешение стилей — такого не делал никто из предшественников.

Трое других в кабинете — Сюй Чжао, вальяжный командующий Цзин и молчаливый командующий Шэнь — были не просто удивлены, они были заинтригованы.

Каждый из них повидал немало актеров в бесчисленных театрах, но Бай Линъюнь был для них в новинку.

Бай Линъюнь, сделав поворот, положил руки на плечи Мэй Цзюмею и подмигнул ему.

Мэй Цзюмей тут же опомнился, и они продолжили вместе:

— Облака летят, лазурные беседки, капли дождя и легкий ветер, расписные лодки на дымке вод — как жаль, что люди в парчовых одеждах не ценят этой красоты.

Они исполняли самый известный отрывок из Пионовой беседки.

Выбор Мэй Цзюмея был понятен, но Бай Линъюнь никак не ожидал, что музыку начнут сразу, пропустив вступительный речитатив. Без него партия служанки Чунсян и вовсе сводилась к минимуму.

Он недоумевал: даже если Мэй Цзюмей хотел опорочить его, стоило ли так унижать самого себя?

Когда пение стихло, Бай Линъюнь поклонился и, как и прежде, тихо отступил в сторону.

Сейчас он мог лишь наблюдать. Будь то таинственные командующие или козни Мэй Цзюмея — у него не покидало ощущение, что всё здесь идет совсем не так, как он предполагал.

В кабинете воцарилась тишина. Гости молчали, Сюй Чжао не смел подать голоса: для нынешнего времени сочетание стилей в исполнении Бай Линъюня выглядело слишком уж вызывающе.

В таких городах, как Тяньцзинь, Шанхай или Гуанчжоу, подобные реформы могли бы привлечь внимание, но в верной традициям Ваньцзине такой номер вряд ли бы оценили.

— Сюй Чжао, почему же ты не представил нам этого господина? — наконец подал голос командующий Цзин, растягивая слова и зевая.

Бай Линъюнь почувствовал досаду. В его время каждое его выступление сопровождалось шквалом аплодисментов, а этот ленивый командующий смеет зевать при нем?

— Прощу прощения, командующий Цзин. Это господин Бай Линъюнь, знаменитый исполнитель женских ролей в нашем Ваньцзине.

Бай Линъюнь прислушался. Сюй Чжао назвал его лишь исполнителем, а не мастером. Видимо, его прежняя репутация была не так уж высока, раз даже такой знаток, как Сюй Чжао, не считал его настоящей звездой.

— Бай Линъюнь? — медленно повторил командующий Цзин.

Сюй Чжао засуетился:

— Господа командующие, как говорится, к хорошей песне нужно хорошее вино. Раз мы послушали музыку, пора бы и выпить. Вино Хуадяо из Гуаншэнтана — редкий напиток, который не купишь за деньги. Вы ведь впервые в столице...

Не успел Сюй Чжао договорить, как командующий Шэнь, до этого момента не проронивший ни слова, внезапно поднялся и холодно бросил:

— Болтаешь много.

С этими словами он развернулся и, широко шагая, вышел из кабинета.